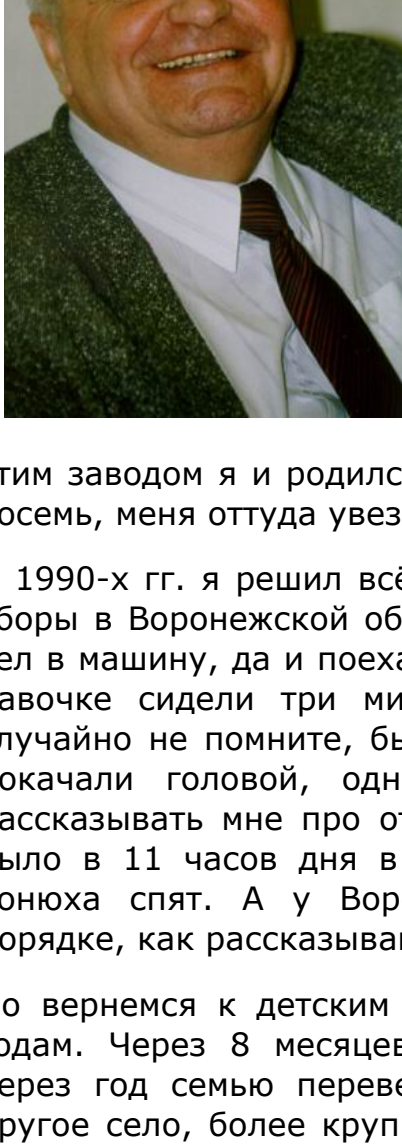

Смысл жизни – в том, чтобы жить

Евгений Петрович Маслин, советник АНО Аспект-конверсия, член Совета ПИР-Центра, член Редакционной коллегии журнала Индекс Безопасности

О том, как старшему лейтенанту справиться с должностью подполковника, чем знание Киплинга и Евтушенко помогает при переговорах с американцами и стоит ли сбивать астероиды ядерными зарядами, Евгений Петрович рассказал ПИР-Центру в рамках проекта «Без галстука».

Детство и школьные годы

Я родился в Тамбовской области в селе Новотомниково. Мои родители – сельские учителя, оба историки. Мама преподавала, отец тоже преподавал, потом стал директором школы. Но прожил я в этом селе Новотомниково всего год. Знаменито это село тем, что было частью владений графа Воронцова-Дашкова, который построил там знаменитый конезавод. Рядом с этим заводом я и родился. А уже через год, даже меньше – месяцев через восемь, меня оттуда увезли.

В 1990-х гг. я решил всё же посмотреть, где я родился. Я тогда проводил сборы в Воронежской области (у нас там есть объект). В воскресный день сел в машину, да и поехал в это село. Приехал, нашел конезаводо, а там на лавочке сидели три милые старушки. Я подошел и спрашиваю: «Вы, случайно не помните, был такой директор школы Петр Изосимович?» Две покачали головой, одна говорит: «Так это тот самый...», и начала рассказывать мне про отца. А потом я зашел в здание конезавода – это было в 11 часов дня в воскресенье, а там на куче навоза три пьяных конюха спят. А у Воронцова-Дашкова это все было в изумительном порядке, как рассказывают документы.

Но вернемся к детским моим годам. Через 8 месяцев или через год семью перевели в другое село, более крупное – районный центр, который назывался Алгасово. Там тоже отец начал работать директором школы, мама была со мною на руках. Вскоре произошел неприятный случай. Одна семиклассница на доске написала какую-то фразу про Сталина, не совсем хорошую. Отца освободили от должности, и он шесть месяцев ждал ареста. Родителей попросили освободить служебную квартиру и полгода мы жили у самой распутной женщины в селе, которая нас выпустила (никто в селе с нами связываться не хотел, мы буквально оказались на улице). Через шесть месяцев и должность отца, и служебную квартиру вернули обратно, а мать потом до конца жизни переписывалась с нашей тогдашней хозяйкой.

Потом началась Великая Отечественная война, отец ушел на фронт. Есть было практически нечего – отец где-то на шесть месяцев попал в окружение, продовольственная карточка, которая приходила с фронта, перестала приходить. Нас спасла корова, которую мои родители держали как и многие в селе.

В 1943 г. отца отозвали с фронта и поручили формировать Воронежское суворовское училище. Совсем недавно праздновали 70-летие со дня его основания. Отец дослужился до звания полковника и был 17 лет первым заместителем начальника училища. Брат прислал мне толстую книжку, изданную по случаю семидесятилетия училища – и об отце в этой книжке было написано очень много хороших слов.

В 1944 г. мы с мамой и сестрой приехали в Воронеж, и в этом же году я пошел в школу. Мне тогда было семь лет, это была школа четырехлетка. Я почему-то был отличником, окончил эту школу с похвальной грамотой и перешел учиться в семилетнюю школу.

Мне больше нравились гуманитарные науки, я много читал. Так как я был сыном замначальника Суворовского училища, то имел возможность бывать в библиотеке. А библиотека была колоссальнейшая. Что такое суворовское училище? Там воспитывали молодых кадетов – вплоть до этикета, иностранных языков. Большое внимание уделялось изучению русского языка, литературе. В библиотеке я много читал, и в дальнейшем все гуманитарные предметы для меня не составляли труда, а к ним даже никогда не готовился. Главное – чтобы был широкий кругозор. К примеру, по географии прочитал книгу «Водители фрегатов», про Лаперуза, про Кука, про разные страны. Когда меня спрашивали – начинал рассказывать, а мне другие ученики кивали – «давай дальше, дальше».

Семилетнюю школу я закончил в городе Воронеже. Я очень дружил с кадетами. В общем, жизнь мальчишеская такая была. За это время можно много чего вспомнить – в 9 лет научился играть в шахматы, плавать, причем переплывал, потом, в 10 лет, реку Дон. В основном увлекали меня книги, кино, спорт. В 14 лет встретил первую любовь.

После того, как я закончил семилетку, надо было продолжать учиться. Но в районе, где я жил, мужских десятилеток не было – тогда было раздельное обучение. Нас было 30 мальчишек, захотевших дальше продолжать образование, и нас перевели в женскую школу. Было 5 восьмых классов. Я учился в 8 «А», где было 7 мальчишек. В «А», «Б» и «Д» было примерно пополам. А в «Г», где учили французский, был один всего мальчишка. Вот представьте – 30 девочек и один мальчишка, они его, конечно, носили на руках. В этой школе я и закончил свое среднее образование.

Закончить мне на одни пятерки не удалось. Когда я писал сочинение по «Поднятой целине», неправильно перенес какое-то слово, и мне поставили четверку. Это была единственная четверка, и вместо золотой получил серебряную медаль.

Здравствуй, Ленинград!

Я хотел поступать в пехотное училище, там, где барабаны, строем ходят, командиры вырастают, мне этого хотелось. Но отец мой был совершенно гражданский человек. Я рвался в свое время в суворовское училище, и он мне не пускал. Ну, мне уже 17 лет было, я был взрослый. Мы с ним заключили компромиссный договор, что я не в пехотное пойду, а в инженерное. Он хотел, чтобы я был инженером. И я, сразу после школы, отправился поступать в Академию связи им. Буденного в Ленинграде. А конкурс там ужасающий, и было девять экзаменов. Проходной бал был 43 из 45. Но для медалистов было 2 собеседования: по математике и по физике. Там могли спросить любые вопросы по этим дисциплинам.

лет. Он говорит: «Почему Вы опаздываете?». Я что-то невнятное в ответ пробормотал. Он говорит: «Ну, хорошо, садитесь, пишите вопросы». И он мне надиктовал 17 вопросов. Где-то 13 я знал, еще пару – смутно, а два или три вообще не знал. Потом оказалось, что это было абсолютно не по программе. Я ответил, преподаватель, конечно, поиздевался слегка.

Я уже решил, что, наверное, не поступил. Оказывается, что поставил он мне, четыре, я набрал проходной балл (он был девять из десяти). Еще продолжались экзамены, а нас, медалистов, бросили на разгрузку угля. И вот там я особенно подружился с одним парнем, и это стала дружба на всю жизнь. Я сейчас, если в Питер приезжаю, первым делом к нему. Так я начал учиться в академии.

Командир – это всё

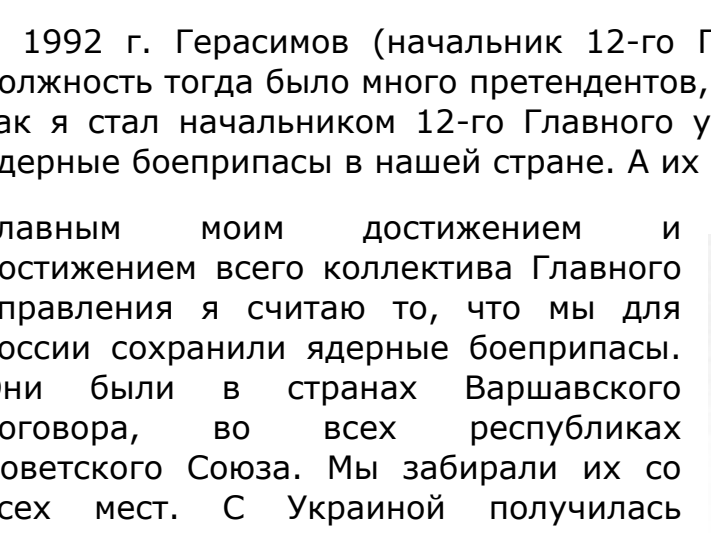
Я писал диплом в Центральном научно-исследовательском институте связи им. Ворошилова в г. Мытищи. Туда приехал директор Воронежского научно-исследовательского института связи Антон Петрович Беленко. Он посмотрел мой диплом и предложил мне должность младшего научного сотрудника после окончания института. Воронеж – город, где осталась семья. Конечно же я согласился.

Однако за месяц до защиты дипломной работы меня вызвали в Министерство среднего машиностроения и предложили «поработать с новой техникой». Я отвечаю: «Нет, я в Воронеж». Они: «Мы знаем, но так надо». Меня забрали, отправили в учебный центр на переучивание на шесть месяцев. Вот так я и стал заниматься ядерными боеприпасами. И вот с этим «должен» и «так надо» я всю жизнь и прожил.

Учебный центр находился под Москвой. Я должен был ехать в Арзамас-16, нынешний Саров. А так как я себя хорошо проявил, особенно в спорте, мне сказали: «Все, останешься, здесь будешь». И я начал служить в Подмоскovie. И карьерный рост пошел у меня почему-то очень быстро.

Я был еще старшим лейтенантом, когда меня поставили на должность подполковника. Там я прослужил семь лет, а потом сборную бригаду, в которой я был начальником группы, погрузили в вагоны вместе с семьями и перебросили на другой объект. Там я продолжал службу, стал полковником, заместителем главного инженера объекта.

В 1979 г. мне предложили поехать в Вологду на должность заместителя первого заместителя инженера – главного инженера: «Вы понимаете, там такой командир, никто не хочет туда ехать». Мне стало любопытно, что там происходит. Помню, приехал я 15 февраля, а 23 февраля – День Красной Армии. На торжественное собрание по этому поводу собрались все руководители соседних райкомов. Мне предоставили слово, я говорю: «Я только неделю здесь, но думаю, что прижизусь». И тут командир, Владимир Степанович Рыбашев, говорит: «Это мы еще посмотрим». Он тогда хотел, чтобы на этой должности был его выдвигенец.

Командир оказался очень хорошим, но не совсем разбирающимся в технике. В инженерно-технической службе был завал, и главное управление не хотело, чтобы руководил местный – в таком случае это все бы продолжалось. Вот меня и влили туда, как свежую кровь. Поэтому начало взаимопонимания у нас было сложное. Я не буду все лепетить рассказывать.

12-ым Главным управлением в то время командовал маршал Ефим Васильевич Бойчук. И маршал сказал, что поганы поднимают, если у кого-то что-то с техникой случится. После того, как на одном из объектов отказала автоматика, командир понял, что надо менять отношение к технике. И мы потихоньку вытасили инженерную службу, создали учебную базу. И с командиром мы со временем стали большими друзьями.

Через два года моего пребывания в Вологде, я был у него в кабинете, звонит маршал Бойчук и предлагает ему объект в Воронеже. А он не хотел ехать, говорит: «Товарищ маршал, вот здесь Евгений Петрович Маслин, он воронежский, пусть поедет туда командиром вместо меня». А маршал отвечает: «Нет, поедешь ты, а Евгений Петрович пусть останется командиром вместо тебя». Вот так я и стал командиром в Вологде, где в член сложности прослужил командиром семь лет. Сейчас я даже являюсь объектом правления Орловского землячества в Москве, хотя и родился в Тамбовской области.

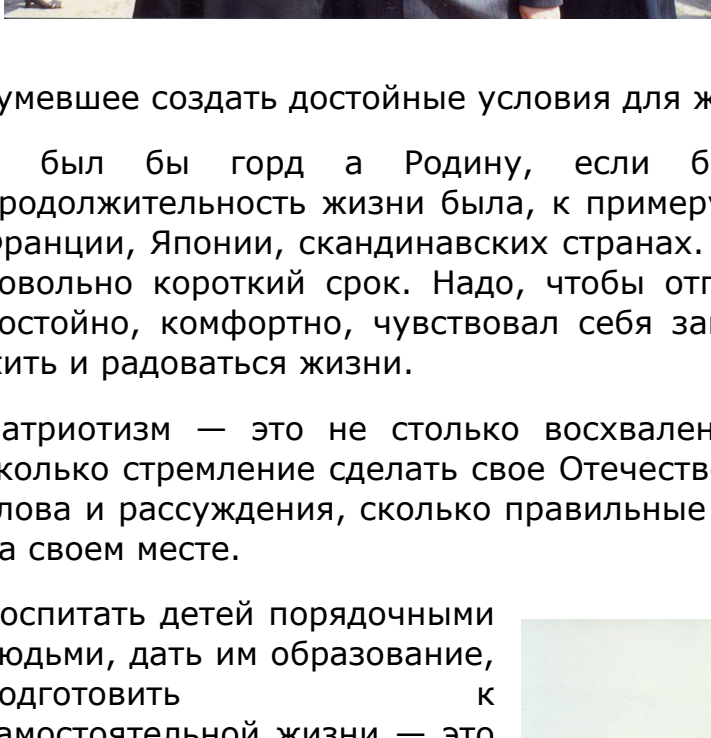
Этот кусок моей жизни – самый-самый запоминающийся. Я очень доволен, что мне многое удалось сделать, будучи командиром. Вот что такое командир на закрытом объекте? Командир – это все. Там я стал генералом, прослужил до 1989 г.

Чем дальше от Москвы – тем лучше люди

В 1987 г. наша дивизия занимает первое место в 12 ГУМО. Нас награждают переходящим крашным знаменем. Подведение итогов было в сентябре, а в ноябре начальник главного управления, колоссальный человек, единственный, перед кем я преклоняюсь, генерал-полковник Герасимов, должен был вручать знамя. А ноябрь месяц в войсках – это время, когда все увольняются, учебный год начинается только с декабря. Мутная такая штука, ноябрь-месяц в армии. Я думал, он приедет, знамя вручит и все. А в течение 10 дней проверял часть по всем параметрам, и это после того, как я завоевал первое место. У меня в части все было строго по уставу. Контролем я сам занимался. У нас не было ни неуставных отношений, ни издевательств, была жесточайшая система контроля.

В общем, пошел проверять. А в 1989 г. первый заместитель Герасимов уходит на пенсию. И Герасимов говорит: «Мои первым заместителем будет товарищ Маслин». Что здесь началось в Москве. Я же не баткий. Мне потом Владимир Иванович рассказывал – начались звонки, даже из центрального комитета звонили. Но он понимал, что ему нужен был такой человек, как я, по крайней мере я так думал. Я же в инженерной службе был, шел по инженерным должностям, у меня был опыт разносторонний. Вот так я и оказался в Москве в 1989 г.

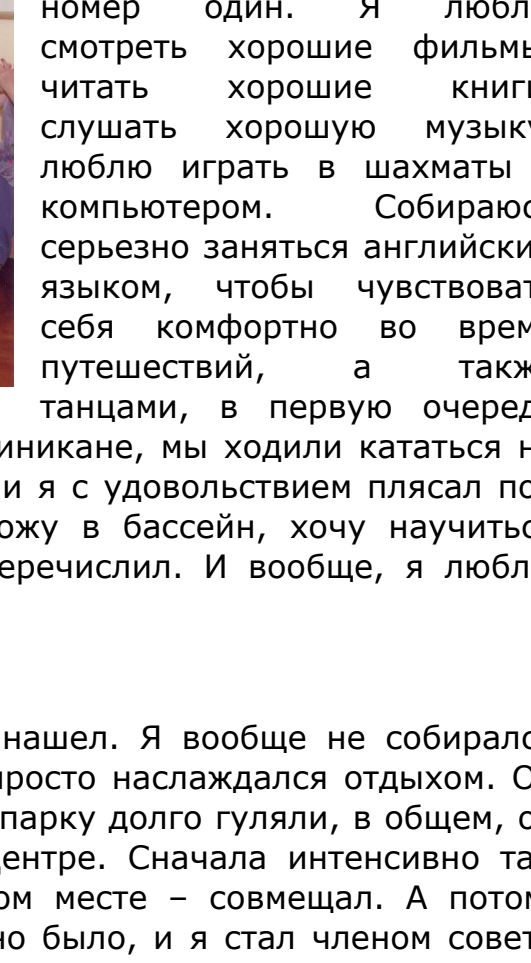
Как говорят, Питер – это джентльмен в черном фраке с белой манишкой, а Москва – это купчиха, в красном сарафане, которая жаждет пойти, попить чаю из самовара, веселая, разбитная. Питер я очень люблю, и при каждом удобном случае еду туда. Единственное, что я не люблю и не могу понять – как Розенбаум поет: «Я люблю твою сырость». Я не люблю питерскую погоду, я люблю солнце.

И Москву я тоже люблю. Хотя и прежде я говорил, и сейчас думаю, что чем дальше от Москвы – тем лучше люди. А вообще, лучшие люди были в закрытых гарнизонах, где я прослужил 30 лет. У нас двери квартир не закрывались, все праздники вместе отмечали.

Главное достижение

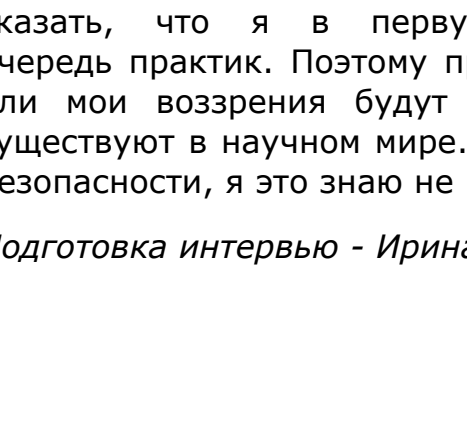
В 1992 г. Герасимов (начальник 12-го ГУМО) ушел в отставку, на его должность тогда было много претендентов, но почему-то выбрали меня. Вот так я стал начальником 12-го Главного управления, отвечающего за все ядерные боеприпасы в нашей стране. А их было очень много везде.

Главным моим достижением и достижением всего коллектива Главного управления я считаю то, что мы для России сохранили ядерные боеприпасы. Они были в стенах Варшавского договора, во всех республиках Советского Союза. Мы забирали их со всех мест. С Украины получилась совершенно особая история: с ними мы вели переговоры три года. Может поэтому я и поседел из-за этих украинцев – никак не хотели они отдавать ядерное оружие. Но, тем не менее это свершилось: Россия стала единственным и полноправным преемником СССР в части владения ядерным оружием.

С ранних лет я чувствовал себя военным

Что такое работа с ядерными боеприпасами и оружием? Прежде всего, это колоссальная дисциплина, исполнительность. Это как работа сапера, ошибаться нельзя. Все работы проводятся строго по инструкциям – один читает, другой делает, третий контролирует. Я прошел хорошую школу рядом с 17 летним, с ранним лет смотрел на них и чувствовал себя военным. В 17 лет я стал военным. Но мало быть просто организованным человеком, надо быть еще и знающим. Когда я командовал, а это время, которым я особенно горжусь, у меня был всего один выходной – воскресенье. В выходной время до обеда я проводил в библиотеке, я не пропускал ни одной новинки. Человек должен иметь широкий кругозор.

О транспортировке боеприпасов

В Штатах ядерные боеприпасы самолетами возят в Европу. На территории США в зависимости от расстояния возят и автотранспортом. Я вот что и американцам, и европейцам говорю: самолеты падают. Пусть это будет один из тысячи, но представьте, что он упадет с ядерными боеприпасами на Германию – как американцы потом будут смотреть в глаза немцам? Я не люблю самолеты для транспортировки, хотя мы тоже использовали их в критических ситуациях, когда боеприпасы надо было быстро вывезти. А железная дорога – это литерный поезд, со всеми мероприятиями. Вся железная дорога знает, что идет литерный поезд, соответственно и обеспечение всех процедур четкое. Контроль хороший, и до сих пор ничего не случилось.

О том, как обаять собеседника

Насчет переговоров с американцами – тяжело, легко, это понятия относительные. Наши коллеги просто не ожидали, что могут быть такие российские генералы. Я их обыгрывал дипломатично. Я пояснял, что зачем, веди экскурс к Киплингу, который писал, – Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись. А мне в ответ заместитель министра обороны присылает стихи Евтушенко, что «соловей поет и в калифорнийской, и в стирских лесах одинаково. Что же вы люди не можете найти общего языка?»

В ходе переговоров всегда ставятся конкретные задачи; первое – чего я должен добиться? Следующий вопрос – как, с помощью чего? И здесь очень важна импровизация. Важен партнер, важно с кем и как ты разговариваешь. Это целая наука. На эту тему очень советую прочесть Дэйла Карнеги «Как обаять собеседника?»

И приходилось по-разному. Американцы очень любят себя. Поэтому все, что касается ядерного оружия, для них очень болезненно. Недаром Рейган говорил, что если одна боеголовка упадет на территорию США, то это будет национальная трагедия. Другие страны на это неустко просто смотрят. Многие говорят (в том числе и у нас): ну, и пусть Иран будет ядерной, ну и что? Американцы очень щепетильно относятся к вопросам нераспространения. А у нас лишь небольшая часть во главе с Орловым друг друга убеждает в чем-то. Ну, а дальше что? Дальше, к сожалению, не идет. Я тоже вначале был наивным. Мне очень нравится, когда серьезные люди говорят умные вещи – но в это же время, как бы умно они ни говорили, эти вопросы обсуждаются уже 50-60 лет. А прогресса так и нет. Первым был Эйнштейн, который после первого испытания ядерной бомбы написал Трумену, что это надо прекратить, и что это бесчеловечно. Но ведь этого не происходит.

Обязательная для прочтения книга

Назову одну книгу – Библия.

Что такое патриотизм

Патриотизм – это служение Родине, а Родина – это прежде всего народ. В ситуации, когда по продолжительности жизни Россия занимает 129 место в мире, мне грустно и стыдно за наше государство, не сумевшее создать достойные условия для жизни своих граждан.

Я был бы горд а Родину, если бы в нашей стране средняя продолжительность жизни была, к примеру, не 66 лет, а 80, как в той же Франции, Японии, скандинавских странах. Человек приходит в этот мир на довольно короткий срок. Надо, чтобы отпущенное ему время он прожил достойно, комфортно, чувствовал себя защищенным, чтобы ему хотелось жить и радоваться жизни.

Патриотизм – это не столько восхваление, любование своей Родиной, сколько стремление сделать свое Отечество лучше, не столько правильные слова и рассуждения, сколько правильные дела. Правильные дела каждого на своем месте.

Воспитать детей порядочными людьми, дать им образование, подготовить к самостоятельной жизни – это патриотизм.

Добросовестно, квалифицированно трудиться – это тоже патриотизм. Я всю сознательную жизнь занимался ядерным оружием. Россия – великая ядерная держава. Благодаря этому никакой народ мою страну не может шантажировать, унижать, диктовать ей свою волю. Я горд, что в этом стиле и частичка моего труда. Я – патриот!

Основная проблема – внутри каждого человека

Ученые говорят о конечности жизни на Земле, называются разные сроки. Вот есть проблема астероидов – когда я еще командовал 12-ым Главным управлением, мы вместе с ВНИИФ разработали проект, как сбивать астероиды на подлете к Земле с помощью ядерных боеприпасов.

Проблем очень много. Но основная проблема – внутри каждого человека. Конечно, идеальным быть нельзя, но нужно понимать, что в принципе, все люди одинаковы. Когда люди станут более терпимыми, более лояльными к другим и более любящими, тогда меньше будет проблем в этом мире.

Я верю, что лет через 200-300 человечество созреет до полного уничтожения ядерного оружия, в этом плане я оптимист.

Я люблю жизнь!

Я очень люблю путешествовать и бывал во многих странах. Можно считать, что это мое хобби номер один. Я люблю смотреть хорошие фильмы, читать хорошие книги, слушать хорошую музыку, люблю играть в шахматы с компьютером. Собираюсь серьезно заняться английским языком, чтобы чувствовать себя комфортно во время путешествий, а также танцами, в первую очередь латиноамериканскими. Когда я был в Доминикане, мы ходили кататься на катамаране. Там была ритмичная музыка, и я с удовольствием плясал под нее. Так что, надо больше двигаться. Хожу в бассейн, хочу научиться играть на гитаре. Вот, пожалуй, я все перечислил. И вообще, я люблю жизнь!

Знакомство с ПИР-Центром.

Это не я познакомился с этим Орлов меня нашел. Я вообще не собирался работать после очень тяжелой службы и просто наслаждался отдыхом. Он меня позвонил, и мы с ним по Петровскому парку дошли гуляя, в общем, меня обаял. Вот так я оказался в ПИР-Центре. Сначала интенсивно там занимался, потом начал работать в другом месте – совмещал. А потом, когда стал директором, вообще уже сложно было, и я стал членом совета ПИР-Центра, теперь подписываю все годовые отчеты. Мне нравится Владимир Андреевич – он очень современен как менеджер, и понимает, что надо делать в данный момент, у него есть чутье, хорошее ощущение реальности. Время проходит, все меняется, а он успевает за всем этим следить. И конечно, мой любимец в ПИР-Центре – это Тимербаев Роланд Михайлович. Любят седьмую симфонию Малера – это очень достойно. Он очень образованный человек.

Сразу вошел и в редакцию журнала *Ядерный Контроль*, но мое участие было больше номинальное. Я внес всего пару-тройку предложений. у меня свой взгляд на некоторые вещи, отличающийся от общепринятого. Я ведь практик. Когда выступаю на конференциях, я с этого всегда начинаю: «Уважаемые дамы и господа! Я хочу сказать, что я в первую очередь практик. Поэтому прошу меня извинить, если обороты моей речи или мои воззрения будут слегка отличны от общепринятых, которые существуют в научном мире. Потому что, все, что крутится вокруг ядерной безопасности, я это знаю не по книгам, а по собственному опыту».

Подготовка интервью – Ирина Миронова, редакция – Екатерина Сизикова.

Июнь, 2014.